

НАПРАСНЫЕ ВОЙНЫ: РАБОТАЕТ ЛИ МОДЕЛЬ ТИЛЛИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Николай Юрьевич Силаев

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Ирина Вячеславовна Болгова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 августа 2019 <i>Принята к печати:</i> 25 октября 2019</p>	<p>Аннотация: Влиятельная теория Чарльза Тилли о связи военной активности и государственного строительства в Европе Нового и Новейшего времени много применялась для анализа развития государственности за пределами Европы и Северной Америки. Однако она лишь ограничено – в части борьбы и переговоров между государством и гражданами об изъятиях ресурсов в пользу государства – использовалась для анализа посткоммунистических трансформаций. Между тем, постсоветское пространство с его многочисленными неурегулированными конфликтами дает немало материала и для проверки собственно «военной» составляющей этой теории. Большинство авторов согласны с тем, что международный порядок, установившийся после Второй мировой войны, не допускает буквального воспроизводства схемы возникновения европейских национальных государств, разработанной Тилли. Данная статья показывает, что, хотя постсоветские конфликты имеют большое символическое значение для постсоветских государств, их материальное влияние на динамику государственных доходов и укрепление государственных институтов минимально. Это объясняется геополитическим контекстом, сложившимся вокруг конфликтов, в котором наращивание военной мощи вовлеченного в конфликт государства не может служить достаточным условием для его разрешения в желательном для этого государства направлении.</p> <p><i>Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002)</i></p>
<p>Об авторах: <i>Н.Ю. Силаев</i>, старший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: nikolai.silaev@gmail.com <i>И.В. Болгова</i>, доцент, кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Чарльз Тилли; государственное строительство; государственная состоятельность; постсоветское пространство; Грузия; Армения; Азербайджан; Украина; Молдова</p>	

Формула Чарльза Тилли о роли войн в генезисе национальных государств в Европе («*war made the state, and the state made war*») – «война создала государство, государство вело войну»¹ породила большую

¹ Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

дискуссию о ее применимости к миру за пределами Европы и, с оговорками, Северной Америки. Модель Тилли, как и другие теории, связывающие войну и строительство государств, проверялась на материалах Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока.

Посткоммунистический мир и особенно пространство бывшего СССР дает немало примеров того, как возникшие новые

государства вовлекались в тяжелые и разрушительные войны. Да, все эти войны в подавляющем большинстве академических исследований квалифицируются как внутренние, в то время как для модели Тилли определяющее значение имеют межгосударственные вооруженные конфликты и ориентированные на них военные приготовления. Но, во-первых, вооруженные конфликты, возникшие в результате распада СССР, страны-участники нередко характеризуют как борьбу с внешним агрессором, а не подавление повстанцев или гражданскую войну. Не важно в данном случае, в какой мере эта характеристика разделяется всеми сторонами конфликта, важно, что она ложится в основу политического курса государства². Во-вторых, вопрос об эффекте, который оказывают гражданские войны на строительство государств, дискуссионный. Наряду с примерами того, как гражданская война вела к деградации и ослаблению государственных институтов³, имеются и примеры обратного. Один из очевидных – Гражданская война в России 1918-1922 годов и иностранная интервенция как её важная составляющая, по итогам которой большевики построили исключительно сильную государственную машину.

Семь бывших советских республик из пятнадцати оказались вовлечены в вооруженные конфликты с большим или меньшим

временным лагом после распада СССР. Во многих случаях состояние конфликта, иногда в условиях эффективного режима прекращения огня, иногда со спорадическими вспышками боевых действий, длится на протяжении лет и десятилетий, и заставляет государство вести долгосрочные военные приготовления. Задачам нашего анализа отвечают пять стран. Это Азербайджан и Армения (конфликт вокруг Нагорно-Карабахской республики), Грузия (конфликты в Абхазии и Южной Осетии), Молдавия (конфликт в Приднестровье), Украина (конфликт на Донбассе). Россию (конфликт в Чечне, война в Грузии в 2008 г., операция в Сирии с 2015 г.) из этого ряда нужно исключить. Во-первых, она относится к числу политий, которые в Новое и Новейшее время сформировали сначала европейский, а затем мировой международный порядок, пройдя описанную Тилли траекторию государственного строительства параллельно с иными европейскими государствами, и, с этой точки зрения, сравнение с иными постсоветскими странами в оговоренной нами перспективе для нее нерелевантно⁴. Во-вторых, хотя можно уверенно предположить, что война и военные приготовления и сейчас играют важную роль в развитии российских государственных институтов, определяющие стимулы здесь создает не региональная (постсоветская), а глобальная международная обстановка, что также выводит Россию из постсоветского сравнительного ряда. Особый случай представляет и Таджикистан. Гражданская война в этой стране (1992 – 1997) не носила характер сецессионистского конфликта и не создала ситуацию, которое государство расценивало бы как долговременную и опасную внешнюю военную угрозу. Вопрос о влиянии гражданской войны в Таджикистане на судьбу его государственности заслуживает отдельного исследования, но его едва ли можно напрямую сопоставить с иными постсоветскими случаями.

² Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Современная Европа. 2016. № 2. С. 33-37. [Danilov, D.A. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnyye posledstviya dlya rossiysko-ukrainskikh otnosheniy (The Ukrainian National Security Strategy: Possible consequences for the Russian-Ukrainian relations) // *Sovremennaya Evropa*, 2016, No. 2, pp. 33-37.]

³ Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332. Одна из самых цитируемых работ о гражданских войнах после 1945 г. расценивает слабость государственных институтов как ключевой фактор возникновения гражданских войн: Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

⁴ Сам Тилли рассматривает Россию как пример основанной на принуждении (coercive-intensive) траектории генезиса государственности (Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.)

Рассматривая выделенные примеры постсоветских вооруженных конфликтов, авторы задаются следующими вопросами: как модель Тилли работает в отношении развития государственности на постсоветском пространстве в контексте существующих вооруженных конфликтов? До какой степени эти конфликты способствуют укреплению государственности? Какие факторы определяют реакцию постсоветских государств на военную угрозу (или факторы, воспринимаемые ими в качестве таковой)? С какими регионами мира можно сопоставить постсоветское пространство в перспективе взаимного влияния войны и государственности?

Война и государственность вне Европы

Тезис о существенном взаимном влиянии войны и генезиса институтов современных государств был сформулирован давно, и в разных формах с ним соглашались авторы, принадлежащие к различным исследовательским традициям. Самуэль Хантингтон назвал войну крупнейшим стимулом к государственному строительству. Он провел прямую аналогию между эволюцией европейских государств в XVII веке и военно-техническими, а затем и политическими модернизациями в Османской империи XVIII – XIX в., в Египте при Мухаммеде Али и в Японии эпохи Мэйдзи, тем самым перенося европейский опыт в неевропейский контекст⁵. Ранее Норберт Элиас описал конкуренцию территориальных монополий насилия – от отдельных феодалов до национальных государств Нового времени – как основной процесс европейской и мировой истории. В ходе этого процесса идёт постоянное вытеснение, подчинение, уничтожение проигравших политических сообществ. Параллельно с этим растёт внутренняя сложность сообществ-победителей, возникают устойчивые аппараты господства, монополии насилия дополняются монополиями на сбор налогов⁶. Уильям Мак-Нил

показал, как развитие военных технологий и принципов ведения войны влекло за собой изменение административных практик и усложнение государственных институтов⁷. Брюс Портер в своей книге буквально воспроизвел основной тезис Тилли о взаимозависимости войны и создания государства, причем, помимо европейской истории Нового времени, с уверенностью распространил его также и на этнические конфликты в бывших СССР и Югославии⁸.

Схема Тилли, описывающая происхождение европейских государств, связывает между собой три процесса: (1) расширение военной активности, (2) экспансию государства как организации, извлекающей ресурсы подвластного населения для ведения войн, (3) усложнение институциональной структуры государств, т. е. возникновение бюрократии, политического участия и гражданства. Согласно этой схеме, усиливающаяся военная активность европейских государств Нового времени требовала все больших ресурсов: прежде всего, людей, мобилизованных для службы в армиях, а также денег для строительства этих, технически все более оснащенных, армий и ведения все более дорогостоящих войн. Это требование побуждало государства к экспансии в те социальные сферы, где оно ранее не присутствовало, к внедрению все более совершенных систем контроля за населением, преследующих цели изъятия ресурсов в виде рекрутов и налогов. Экспансия порождала сопротивление в виде бунтов

нетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: 2001. 332 с. [Elias, N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proyekt teorii tsivilizatsii (The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations). Moscow, SPb: 2001. 332 p.]

⁷ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М., 2008. 454 с. [McNeill, W. V pogone za mosch'yu (The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000). Moscow, 2008. 458 p.]

⁸ Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

⁵ Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 123.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социоген-

против новых налогов или новых механизмов контроля, навязываемых государством. Соппротивление подавлялось или приводило к сделке между государством и населением (или отдельными группами населения) об условиях изъятий. Из циклов экспансии, борьбы и сделок возникли национальные государства с их бюрократией, гражданством и демократическими институтами⁹. Вариации в исторических траекториях развития европейских государств были порождены соотношением принуждения и капитала: государства могли извлекать ресурсы для ведения войн, преимущественно концентрируя в своих руках ресурс принуждения (Россия, Пруссия) или ресурс капитала (итальянские города-государства, Голландская республика); возможен был и путь развития государственности, приблизительно в равной мере опиравшийся как на принуждение, так и на капитал¹⁰ – путь наиболее могущественных национальных государств Европы.

Опыт применения этой модели к становлению государств Третьего мира противоречив. Некоторые авторы расценивали насилие в странах Третьего мира как аналог ранней фазы строительства государств в Европе. Юсеф Коэн, Брайан Браун и А.Ф.К. Органски полагали, что укрепление новых государств сопровождается ростом насилия; они назвали этот процесс «первоначальным накоплением власти»¹¹. Кэмерон Тайс, сравнивая интенсивность соперничества между государствами Третьего мира и их способность извлекать доходы из подвластного населения (*extractive capacity*), пришел к выводу, что описанный Тилли механизм продолжает работать. Наличие соперников побуждало государства к тому, чтобы усилить свою институциональную мощь, выраженную в способности извлекать доходы. Тайс напрямую соотнес этот

процесс с опытом Европы раннего нового времени¹². Особенность подхода Тайса заключается в том, что в своем анализе он перенес фокус с войн между государствами (ставших сравнительно редким явлением в мире после Второй мировой войны) на соперничество между ними, выраженное в интенсивности военизированных межгосударственных споров¹³. Опираясь на эти данные, он провел ряд исследований государственного строительства в отдельных регионах мира. В частности, Тайс проверил выводы Мигеля Сентено о государственном строительстве в Латинской Америке. Подтвердив выводы Сентено о слабом влиянии войн на экстрактивную способность государств этого региона, он отметил, что межгосударственное соперничество, напротив, усиливало эту способность¹⁴. Мохаммед Айюб полагал, что исторический срок наблюдений за строительством государств в Третьем мире попросту недостаточен для того, чтобы в этом процессе явно проявили себя процессы, аналогичные тем, что привели к формированию европейских государств¹⁵. Майкл Манн не усматривал значительных отличий между командирами вооруженных групп в самых нестабильных странах Третьего мира и вождями любых досовременных политических режимов в Европе и где бы то

⁹ Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

¹⁰ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

¹¹ Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

¹² Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

¹³ База данных Military Interstate Disputes (MID) проекта Correlates of War. Тайс опирался на версию MID 3.0 (Ghosn, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard_Library_Sources/Correlates_of_War/Historical_Military_Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf).

¹⁴ Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465. Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731

¹⁵ Ayoob, M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System*. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

ни было – за исключением автоматического оружия и банковских ячеек в Швейцарии¹⁶.

Доминируют, однако, подходы, предполагающие значительные различия между европейскими и неевропейскими историческими траекториями государственного строительства. Сам Тилли посвятил главу в книге «Капитал, принуждение и европейские государства, 990-1990 гг.»¹⁷ развитию государственности в Третьем мире после Второй мировой войны. Его позиция состояла в том, что международные условия существенно изменились, и воспроизводство раннего европейского опыта едва ли возможно, хотя ключевые переменные капитала и принуждения, их накопления и концентрации по-прежнему определяют динамику строительства государств. Он также отметил усиливающуюся тенденцию к тому, чтобы организационные формы государств определялись не столько «изнутри», в результате борьбы и переговоров государства и населения, а «извне»: через институциональное наследие колониальных администраций, заимствования формального конституционного устройства, внешнюю помощь в строительстве государственных институтов, особенно армий. Тезис об определении «извне» организационных форм государства и самой государственности связан еще с одним пунктом рассуждений Тилли: случаи территориальных захватов после Второй мировой войны стали исключением, и армии сосредоточились на репрессиях против гражданского населения, борьбой с повстанцами и захвате власти. «Правительства стали менее устойчивыми, в то время как границы стали более защищенными»¹⁸.

Многие авторы соглашаются в том, что запрет на территориальные захваты и завоевание других государств, эффективно – в сравнении с другими периодами истории – действующий в мире после Второй мировой

войны, качественно изменил условия развития государственности и сделал если не невозможным, то весьма затруднительным генезис сильных государственных институтов по ранней европейской модели. Статус независимого государства – члена международного сообщества трудно обрести: для этого должны совпасть многие обстоятельства, большинство которых не во власти претендента¹⁹. Но утратить этот статус еще труднее: после 1945 г. случаи гибели государств в результате завоевания практически исчезли²⁰. Между тем, модель Тилли предполагает жестокий «естественный отбор»: те европейские государства, которые не могли соответствовать возрастающим требованиям военной мощи и административной эффективности, прекращали свое существование, становясь добычей более сильных соседей. Афоризм о войнах, которые создают государства, подразумевает, что войны же их и уничтожают. После 1945 г. «естественный отбор» перестал работать.

Роберт Джексон описал эту проблему через понятие «негативного суверенитета». По аналогии с «негативной свободой» Исаяи Берлина, негативный суверенитет предполагает свободу от внешнего вмешательства. Государство приобретает таковой в силу признания в качестве равноправного независимого члена международного сообщества. Позитивный суверенитет в свою очередь, касается не формальных, а содержательных сторон государственности и заключается в способности государств предоставлять политические блага своим гражданам²¹. Государства, обладающие негативным, но не позитивным суверенитетом, Джексон обозначил как «квазигосудар-

¹⁶ Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp.115-140.

¹⁷ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

¹⁸ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. Pp. 203, 207.

¹⁹ Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467; Coggins, B. *Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition*. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

²⁰ Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

²¹ Jackson, R. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 27, 29.

ства»: признанные члены международного сообщества, неспособные выполнять ключевые государственные функции на своей собственной территории.

Отсутствие внешней угрозы существованию государств как фактор, ослабляющий стимулы к строительству сильных институтов, отметили многие исследователи. Джефри Хербст писал, что государства Африки в отсутствие угрозы внешнего завоевания не могли ни сосредоточить за счет налогов в своих руках необходимые ресурсы, ни консолидировать население на основе общей идеологии, подобной европейскому национализму²². Джоэл Мигдал полагал, что в стабильной биполярной международной системе при отсутствии или минимуме внешних рисков правители государств не видели необходимости противостоять носителям неформальной власти (*strongmen*) и усиливать государственность для мобилизации ресурсов. Немногочисленные исключения в Третьем мире составляют государства, столкнувшиеся со значительной внешней военной угрозой²³.

Имеет значение также характер военных конфликтов и источники финансирования войны, к которым прибегали государства Третьего мира. Мигель Сентено видит основное отличие государств Латинской Америки от европейских государств в том, что последние пережили не просто исторический опыт войн, но исторический опыт тотальных войн, сопровождавшихся тотальной мобилизацией людей и ресурсов. Он проследживает несколько волн таких войн в Европе, начиная с войн революционной Франции и Наполеона и заканчивая Первой и Второй мировыми войнами. Подобных по масштабу и социальным последствиям конфликтов в Латинской Америке не было, и поэтому государственность здесь носит столь же ограниченный характер, как и война²⁴. Сентено

отмечает, что сравнительная доступность внешних кредитов наряду с неразвитостью собственных экономик приводили страны Латинской Америки к тому, что они финансировали свои войны за счет долгов, а не усиления экстрактивной способности государств²⁵. «Вместо государств, построенных “железом и кровью” они строили государства “кровью и долгами”»²⁶. Схожий эффект оказывала и международная торговля: государство, чьи доходы зависят от экспорта одного или нескольких сырьевых товаров, не испытывает необходимости в том, чтобы энергично собирать налоги с подвластного населения, достаточно контролировать ключевые предприятия и внешнюю торговлю; это один из факторов неустойчивости правительств во многих странах Третьего мира²⁷. Анна Леандер считает, что контроль над капиталом, критически важный для состоятельности государств в теории Тилли, в современных условиях означает контроль над доступом к международным финансовым ресурсам. Это создает для правителей структуру стимулов, принципиально отличную от той, с которыми сталкивались ранние европейские государства. По мнению Леандер, это, наряду с другими факторами, делает предложенную Тилли модель неприменимой к анализу развития современных государств²⁸.

Исследования, сосредоточенные на изучении траекторий развития государств в мире или больших его регионах в целом, предполагали широкие обобщения. Описывая общие тенденции, почти все авторы в то же время говорили и об исключениях, когда

Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 83.

²⁵ Centeno, M. *Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. Pp. 132-134.

²⁶ Ibid. P. 23.

²⁷ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

²⁸ Leander, A. *Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World*. In: *Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research*. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

²² Herbst, J. *War and the State in Africa // International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

²³ Migdal, J. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton University Press, 1988. Pp. 273-274.

²⁴ Centeno, M. *Limited War and Limited States*. In: *Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation*, ed. by Diane E. Davis and

на Ближнем Востоке, в Восточной Азии или Латинской Америке на фоне слабых соседей выделялись сильные государства, своим позитивным суверенитетом (если обращаться к категориям Роберта Джексона) не уступавшие «старым» государствам Европы и Северной Америки. Разные авторы среди таких государств называли Кубу, Китай и Тайвань, Вьетнам, Израиль, Южную Корею. Уникальность ряда случаев или глубокие различия в исходах государственного строительства в странах, переживших схожие внешние вызовы или находившихся в состоянии вооруженного противоборства, породили узкие сравнительные исследования. Так, Майкл Барнетт сравнил траектории развития государственности в Израиле и Египте²⁹. Брайан Тейлор и Роксана Ботеа сравнили исходы государственного строительства во Вьетнаме и в Афганистане – двух странах, переживших во второй половине XX в. наиболее продолжительные гражданские войны, сопровождавшиеся иностранным военным вмешательством. Исходы оказались противоположными. В то время как Вьетнам создал сильные государственные структуры, в Афганистане таковые практически исчезли. Тейлор и Ботеа считают, что это различие объясняется двумя причинами: сравнительной этнической гомогенностью и широко разделяемой революционной идеологией, которые существовали во Вьетнаме, но не в Афганистане. Их вывод в том, что модель, предложенная Тилли, продолжает действовать, и две страны представляют две стороны знаменитого афоризма: государство, вышедшее из войны победившим и укрепившимся, и государство, не пережившее войну. Отличие от раннего европейского опыта в том, что проигравший теперь не утрачивает формальный суверенный статус³⁰ – он сохраняет негативный суверенитет, практически не имея позитивного.

²⁹ Barnett M. *Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

³⁰ Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Исследования постсоветской государственности

Академические исследования процессов государственного строительства, состоятельности, эффективности государственных структур на постсоветском пространстве пережили эволюцию, сходную с той, которую прошли исследования государственности стран Третьего мира в 1950-60-х годах. Тогда накапливающийся эмпирический материал опроверг теорию политического развития, рассматривавшую трансформацию этих государств как последовательное продвижение к заранее известному результату: доминирующему на Западе национальному государству с широким гражданским участием³¹. В первое десятилетие после распада СССР анализ внутривосточных процессов вписывался в общие теории демократического транзита или постколониальные исследования³², которые предполагали возможность широкой генерализации и переноса на изучение становления новых независимых государств опыта государственного строительства в других регионах и в другие исторические периоды³³. Наблюдаемая реальность, однако, скорее свидетельствовала против объяснительной ценности данных подходов. Это повлияло на снижение внимания к исследовательскому инструментарию теорий демократического транзита³⁴ при анализе

³¹ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. Pp. 192-194.

³² Kuzio, T. *History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space* // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

³³ Одна из наиболее частых точек отсчета – модель Р. Брубейкера, разработанная для европейских государств в межвоенный период: Brubaker, R. *Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutional Account* // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

³⁴ Carothers, T. *The End of the Transition Paradigm* // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21; Gel'man, V. *Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building* // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104; Cappelli, O. *Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

тенденций развития государственных институтов на постсоветском пространстве.

Одним из выделяемых недостатков теорий демократического транзита применительно к постсоветскому пространству является чрезмерное внимание к процессу переноса нормативной структуры, направленной на повышение эффективности государственного аппарата, без учета параметра уже существующего изобилия формальных и неформальных правил функционирования³⁵. Кроме этого, важный для постсоветского пространства вопрос конфликтного урегулирования в государствах с самопровозглашенными территориями долгое время предполагалось возможным разрешить с участием внешнего вмешательства, которое должно иметь целью установление общих институтов и создания условий для взаимной аккомодации³⁶.

Несоответствие обобщенных теоретических подходов и эмпирической специфики привело к появлению большого количества исследований, которые выделяют постсоветское пространство в отдельный региональный блок, заслуживающий самостоятельного аналитического рассмотрения, основанного на специфических структурных факторах³⁷. Часть из них фокусировалась вокруг неопатримониальной парадигмы, согласно которой на постсоветском пространстве отсутствует рационально-легальное в веберовском понимании государство, что делает нерелевантным анализ его эффективности с либеральных позиций³⁸. Однако данный подход не объясняет, почему в расширенной хронологической перспективе патерналистские режимы могут быть эффективными с точки зрения государственной состоятельности, несмотря на недостаточ-

ный для идеал-типической призмы уровень развития институтов³⁹.

В условиях, когда пути развития бывших советских республик были очевидно несходными, исследователи сосредоточились на фиксации и объяснении различий в траекториях политической трансформации внутри множества постсоветских государств. Один из них определялся дихотомией “демократизация – дедемократизация”⁴⁰. В этой логике вопрос о государственной состоятельности не артикулировался, так как исследовательское внимание было прежде всего сфокусировано на инструментах экспансии демократических или авторитарных режимов на соседние государства⁴¹. Объектами анализа в первом случае выступает ЕС⁴², во втором Россия и её внешняя политика на постсоветском пространстве⁴³.

³⁵ Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

³⁶ Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

³⁷ Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

³⁸ Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-Patrimonial Perspective // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

³⁹ Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411. К.В. Мельников отмечает, что, широко используя неопатримониальную парадигму, исследователи концентрируются на разных наборах характеристик, и это делает актуальной классификацию уже самих неопатримониальных режимов; без такой классификации понятие рискует стать малооперациональным: Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68-81. [Mel'nikov, K.V. Neopatrimonializm: klassifikatsiya kak sposob preodoleniya kontseptnykh natyazhek (Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2018, No. 2, pp. 68-81.]

⁴⁰ Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165. Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International Politics and National Political Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp.1-15.

⁴¹ Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

⁴² Emerson, M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005; Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

⁴³ Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color

Другой подход к описанию и объяснению различий между постсоветскими государствами связан с вопросом не об их демократизации, но об их государственной состоятельности. При этом ряд авторов опираются на анализ как внешних, так и внутренних факторов государственной состоятельности.

Так, А. Цыганков классифицировал постсоветские государства от слабых (*weak*) к жизнеспособным (*viable*)⁴⁴. Он оценивал, в частности, способность правящих элит прагматично оценить и адекватно использовать ряд структурных характеристик: традицию государственности; зависимость от российской экономической помощи; геополитическое положение; конкуренцию внерегиональных великих держав и конвертируемые на глобальном рынке ресурсы.

Вместе с тем, на основании подробного анализа существующих в политической науке подходов к пониманию «государственной состоятельности»⁴⁵ российские авторы

делают общий вывод о недостаточно универсальном характере большинства концепций и их частичной применимости к процессам, происходящим на постсоветском пространстве. Одно из важных в контексте данного исследования замечаний касается нелинейного характера зависимости между военными расходами и государственной состоятельностью в условиях современной международной среды⁴⁶.

Российская политологическая школа исследований государственной состоятельности⁴⁷ в том числе задаётся вопросом о соотношении процессов демократизации и государственной состоятельности⁴⁸ и приходит

sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 49-68. [Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zhem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.]

Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434; Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp.185-202; Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118; Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its 'Near Abroad' // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

⁴⁴ Tsyganov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

⁴⁵ Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // *Политическая наука*. 2011. № 2. С. 118-132 [Meleshkina, E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoi sostoyatel'nosti: kakie uroki mi mozhem izvlech' (Studies on Statehood: What Lessons Can We Learn?) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 2, pp. 118-132.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 2. С. 8-23. [Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zhem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu

⁴⁶ Tsyganov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

⁴⁷ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. М.: 2007. 276 с. [Politicheskiy atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv/ (Atlas of Contemporary Politics: Attempting a Statistical Analysis of the Contemporary States' Political Systems) / A. Mel'vil', M. Il'in, E. Meleshkina, M. Mironyuk, Yu. Polunin, N. Timofeyev. Moscow: 2007. 276 p.]

⁴⁸ Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // *Политическая наука*. 2016. № 4. С. 47-73. [Mel'vil', A.; Yefimov, D. «Demokraticheskiy Levafan»? Rezhimnyye

к выводу об отсутствии прямой каузальной зависимости между ними. При возможности параллельного развития демократических институтов и укрепления государственной состоятельности, нет универсального объяснения их взаимовлияния в каждом конкретном случае. Детализация параметров государственной состоятельности на основании кластерного анализа⁴⁹, и формирование на его основании ряда моделей, показывает, в том числе, существенную дифференциацию в рамках постсоветского пространства и отсутствие устойчивых определяющих параметров для типологизации специфической

«постсоветской государственной состоятельности».

Модель Тилли ограниченно применялась к анализу траекторий развития постсоциалистических государств. К ней обращались в двух случаях. Во-первых, в объяснениях, связывающих политические трансформации с характером налоговых систем, в рамках парадигмы фискальной социологии. Во-вторых, в работах, скорее, теоретического характера для демонстрации различий между раннеевропейской и постсоциалистической государственностью. В обоих случаях авторы обращались к той стороне модели, которая описывает внутривнутриполитическую динамику, т.е. борьбу и переговоры между гражданами и агентами государства по поводу изъятий.

Ключевая теоретическая работа для фискальной социологии это «Кризис налогового государства» Йозефа Шумпетера, однако авторы, работающие в этой парадигме опираются также на разработанную Тилли модель генезиса государственности. Так, книга Джеральда Истера, посвященная сравнению политических трансформаций в посткоммунистических России и Польше, озаглавлена «Принуждение, капитал и посткоммунистические государства»⁵⁰ – очевидная отсылка к наследию Тилли. Помимо Истера, широкое сравнительное исследование посткоммунистических налоговых систем провел Скотт Гелбах⁵¹. Йорген Мёллер классифицировал государства на пространстве бывшего СССР на три категории (либеральные демократии, гибридные режимы и нелиберальные автократии) и констатировал связь между характером политического режима и эффективностью налоговых систем, выраженной в доле налоговых доходов государства в ВВП⁵². Ав-

izmeneniya i gosudarstvennaya sostoyatel'nost' – problema vzaimosvyazi ("The Democratic Leviathan"? Regime Change, State Capacity, and Challenge of Interdependence) // *Politicheskaya nauka*, 2016, No. 4, pp. 47-73.]; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // *Полис: Политические исследования*. 2012. № 2. С. 8-30. [Mel'vil', A.Yu.; Stukal, D.K.; Mironyuk, M.G. Trayektorii rezhimnykh transformatsiy i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Solvency) // *Polis: Politicheskkiye issledovaniya*, 2012. No. 2, pp. 8-30.]

⁴⁹ Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 2. С. 8-23. [Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 49-68. [Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.]

⁵⁰ Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

⁵¹ Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁵² Данные по доле налоговых доходов в ВВП относились к 1998 – 2002 гг. Любопытным исключением оказалась Белоруссия, которая продемонстрировала долю налогов в ВВП на уровне Латвии, явно не относясь к либеральным демократиям. Мёллер объяснил это несоот-

тократии собирали налоги хуже всех, либеральные демократии – лучше всех. Наблюдаемые отличия исследователь истолковал как подтверждение тезиса, что либеральное государство представляет собой сделку между правителями и управляемыми, в которой государственные доходы обмениваются на гражданские и политические права⁵³.

Венелин Ганев видит в трансформации посткоммунистической государственности модель Тилли «в обратной перспективе». Поскольку строительство новых государственных институтов шло одновременно с дезинтеграцией государственных экономик, посткоммунистические элиты оказались в условиях, противоположных тем, в которых были политические элиты Европы Нового времени. Если в эпоху раннего модерна политические элиты были вынуждены создавать институты, обеспечивающие стабильность контракта с социальными группами (или достаточное принуждение населения) для извлечения ресурсов, то политические элиты государств, возникших после распада социалистической системы, используют уже имеющиеся институты для получения ресурсов от государства. «Извлечение ресурсов из государства» он назвал «доминирующим элитным проектом» посткоммунистического мира; в то время как в раннем Модерне в Европе таким проектом была война⁵⁴. Стоит заметить, что Ганев последователен в отстаивании уникальности как коммунистического, так и посткоммунистического исторического опыта. Обращаясь в другой работе к проблеме налогового государства в посткоммунистическом контексте, он предлагает исходить из того, что коммунизм отменил и налоги, и государственные институты, ответственные за их сбор, и деньги как таковые. Соответственно, исследования

ветствие модели рыночным характером белорусской экономики: Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 435, 439.

становления налоговых государств в посткоммунистическом мире должны быть сосредоточены на процессе социокультурного конструирования явления налогов и фигуры налогоплательщика, а не просто на трансформации фискальных систем⁵⁵.

Постсоветские страны, вовлеченные в вооруженные конфликты, дают обширный материал для анализа. Вместе с тем, изучение постсоветских конфликтов в перспективе модели, предложенной Тилли, не предпринималось исследователями ранее. Используемая в данной статье методология анализа позволяет увидеть сущностные изменения категории международного контекста. Если в рамках модели Тилли война играет важнейшую роль среди компонентов внешней среды формирования государственных институтов, то постсоветский эмпирический материал, рассмотренный в следующем разделе, демонстрирует скорее символический характер вооруженного конфликта, в том числе в контексте (де)стабилизирующей роли крупных внешних игроков.

Конфликты не имеют значения?

Модель Тилли объясняет демократизацию, однако не считает ее неизбежным итогом государственного строительства и не отождествляет демократию с сильной государственной властью. В этом плане она нейтральна к оценке конкретного политического режима как демократического или авторитарного. Способность государства осуществлять свою власть, выраженная в том, насколько эффективно оно извлекает доходы от подвластного населения, также нейтральна в отношении большей или меньшей открытости политического режима и большего или меньшего объема политических прав у граждан. Тилли предпочитал говорить о демократизации и де-демократизации как продолжающихся процессах, а не о демократии как однажды достигнутом состоянии. Он признавал, что демократизация возможна на

⁵⁵ Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

основе как сильной, так и слабой государственности⁵⁶.

Поэтому показатели, на которые мы опираемся при анализе траекторий развития государственности в постсоветских странах, вовлеченных в конфликты, нейтральны в отношении типа режима. Причем, для наших целей предпочтительно сосредоточиться на ограниченном числе показателей. Задача не в том, чтобы описать все разнообразие траекторий постсоветского политического развития, а в том, чтобы оценить связь между войной и государственностью в постсоветском контексте.

Для этого мы возьмем четыре показателя:

– Динамика государственных доходов в течение ряда лет, сопровождавшихся вооруженным конфликтом или замороженным конфликтом, который мог бы потребовать военных приготовлений.

– Динамика налоговых доходов в течение того же периода времени⁵⁷. Сравнение государственных доходов в целом с налоговыми доходами позволяет оценить, в какой степени государство зависит от сбора налогов: существование иных значительных источников дохода ослабляет его мотивацию к расширению экстрактивной способности. По общим доходам и налоговым доходам взяты показатели консолидированных бюджетов (*general government*).

– Динамика военных расходов в течение аналогичного периода⁵⁸. Сравнение этого показателя с показателями государственных доходов показывает, имелась ли связь между военными приготовлениями и повышением экстрактивной способности государства.

– Оценка страны в рейтинге Всемирного банка *The Worldwide Governance Indicators* по показателю «Эффективность правитель-

ства» (за весь период наблюдений⁵⁹)⁶⁰. Интегрированный индикатор, который позволяет судить о том, как менялись оценки эффективности государственных институтов на фоне динамики государственных доходов и разворачивающихся конфликтов.

По всем странам МВФ представляет данные за ограниченный период времени⁶¹. Иные международные базы данных, предоставляющие возможность межстрановых сравнений, например, соответствующая база данных Всемирного банка⁶², не предоставляет данных по неналоговым доходам и имеет значительные лакуны (ни по одной из стран нет данных за 1992-1993 гг., данные по Азербайджану отсутствуют с 2000 по 2007 гг.). Мы полагаем, что ограничения базы данных МВФ не помешает решить наши задачи. Во-первых, данные до начала 2000-х годов будут в большей степени отражать трансформационный экономический спад, чем целенаправленные, удачные или неудачные, попытки государства увеличить свой доход в ответ на внешний военный вызов. Во-вторых, данные МВФ охватывают период, в течение которого все пять рассматриваемых стран находились в состоянии конфликта. Армения и Азербайджан на фоне активных военных приготовлений (в том числе рост оборонного бюджета, импорт вооружений) поддерживали хрупкое перемирие, которое в апреле 2016 г. сменилось ожесточенным, хотя и краткосрочным, возобновлением боевых действий. Грузия инициировала «разморозку» конфликтов в Абхазии и Южной Осетии и пережила тяжелое поражение в 2008 г. Украина с 2014 г. вовлечена в конфликт на Донбассе, активная фаза которого пришлась на июнь

⁵⁶ Tilly, C. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁵⁷ Данные по пяти странам (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Украина) взяты из базы Международного валютного фонда “Government Finance Statistics” International Monetary Fund – Government Finance Statistics – Tables – Table 1. Revenue. Mode of access: <http://data.imf.org/regular.aspx?key=60991467>

⁵⁸ По данным SIPRI.

⁵⁹ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

⁶⁰ The Worldwide Governance Indicators. Mode of access: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>

⁶¹ Грузия – 2003-2018 гг., Молдавия и Украина – 2003-2017 гг., Армения – 2004-2017 гг., Азербайджан – 2008-2017 гг. Мы взяли 2017 г. за верхнюю границу для всех стран.

⁶² The World Bank – Data – Tax Revenue. Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.TAX.TOTL.GD.ZS>

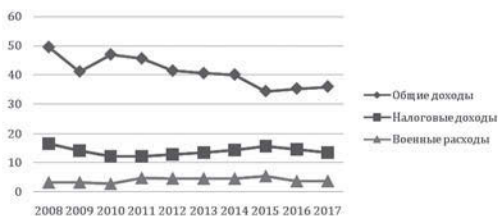

2014 – февраль 2015 гг., последовавшее перемирие часто нарушается. Молдавия и непризнанная Приднестровская Молдавская Республика поддерживают устойчивое перемирие с 1992 г., однако перспектива урегулирования конфликта пока не просматривается.

Азербайджан в первом десятилетии XXI в. пережил бурный экономический рост, связанный с резким увеличением добычи и экспорта углеводородов. Рекордные темпы экономического роста в середине десятилетия позже замедлились в связи со снижением мировых цен на основные экспортные товары страны. Тем не менее, Азербайджан остается богатейшим государством Закавказья, причем в 2017 г. 36% ВВП страны тем или иным образом сосредотачивалось в бюджете страны. В конце прошлого десятилетия этот показатель был еще выше – 50%.

График 1

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Азербайджана, 2008-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI.

Chart 1. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Azerbaijan, 2008-2017, % of GDP

В то же время налоговые доходы показали с 2008 по 2017 г. в целом негативную динамику. С 16,6% они сократились до 13,5% ВВП. Медленный рост этого показателя с 2011 г. оборвался в 2015 г. Этот рост сопровождался увеличением военных расходов до исторического максимума в 2015 г. (5,5% ВВП), после чего военные расходы также сократились. Вспышка боевых действий в апреле 2016 г. не повлияла существенно на эту статистику; прирост 2017 г. по сравнению с 2016-м был невелик. На *Графике 1* видно, что рост военных расходов сопровождался также ростом налоговых доходов, но связь очень слабая.

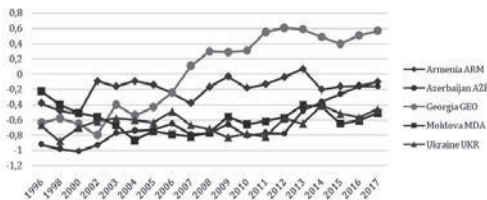
Из данных очевидно, что для обеспечения своих военных расходов Азербайджан не нуждается в повышении эффективности сбора налогов. Эти расходы могут быть покрыты за счет неналоговых доходов. В случае с Азербайджаном это прежде всего доходы от предприятий, находящихся в государственной собственности (18% ВВП в 2017 г., почти 30% в 2008 г.).

В то же время, как показывает *График 2*, эффективность правительства в Азербайджане с 2012 г. росла довольно быстрыми темпами. Хотя показатель так и не перешел в область положительных значений, в 2016 г. Азербайджан догнал Армению, от которой отставал в течение всего предшествующего периода наблюдений. Эффективность правительства до 2015 г. включительно росла параллельно с военными расходами, но не сопровождалась ростом налоговых доходов. Это мало похоже на классическую схему взаимосвязи между войной и государственным строительством, когда все более эффективное правительство извлекает все больше доходов, чтобы увеличить военные расходы. Скорее уместно говорить о том, что политическое руководство инвестирует все больше неналоговых доходов и в военные приготовления, и во внутренние реформы, стремясь укрепить и силовую, и экономическую конкурентоспособность и не торопясь снять налоговые сливки с национальной экономики. Такая картина показывает, что стимул к реформам создает не конфликт сам по себе, а более широкий спектр вызовов, среди которых главное место занимает снижение общих доходов бюджета, связанное с нестабильностью цен на экспортное сырье и постепенным истощением его запасов. Также нужно подчеркнуть, что структура государственных доходов, отраженная на *Графике 1*, избавляет правительство от необходимости вступать в переговоры с отдельными социальными группами и населением в целом по поводу изъятия ресурсов, необходимых для военных приготовлений.

График 2

Показатели Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии и Украины по эффективности правительства, 1996-2017 гг.*

Источник: Всемирный банк.

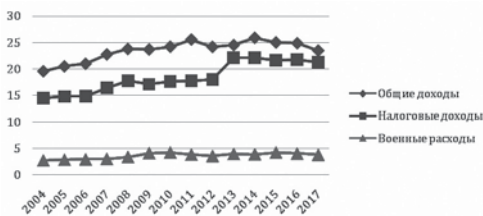
*Показатель может варьироваться от -2,5 (наименьшая эффективность) до 2,5 (наибольшая эффективность).

Chart 2. Indicators of Azerbaijan, Armenia, Georgia, Moldova and Ukraine on the effectiveness of the government, 1996-2017

Армения сравнительно быстро наращивала налоговые доходы с 2004 (14,5% ВВП) по 2014 г. (22,1% ВВП). Сближение кривых налоговых доходов и общих доходов с 2015 г. обеспечено отменой взносов социального страхования, которые МВФ учитывает отдельно от налоговых доходов.

График 3

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Армении, 2004-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI.

Chart 3. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Armenia, 2004-2017, % of GDP

До 2010 г. рост налоговых доходов сопровождался ростом военных расходов. В дальнейшем оборонный бюджет вышел на плато в 3-4% ВВП с небольшой тенденцией к снижению. А резкий скачок налоговых доходов не сопровождался увеличением расходов на оборону (см. График 3).

На Графике 2 видно, что с начала наблюдений Армения лишь незначительно нарастила эффективность правительства

и только однажды вышла по этому показателю в область положительных значений. Интересно, что этот пик по времени совпал со значительным ростом доли налоговых доходов в ВВП (при стагнации военных расходов). В 2007-2009 г. военные расходы, налоговые доходы и эффективность правительства росли параллельно, но за пределами этого отрезка связь между кривыми не обнаруживается, а сам отрезок слишком непродолжителен, чтобы можно было говорить об устойчивой тенденции. Карабахский конфликт и связанная с ним необходимость поддерживать высокий уровень военных расходов ни для Армении, ни для Азербайджана не стали стимулом для наращивания силы государственных институтов.

Грузия из всех рассматриваемых стран наиболее близка к классической схеме. Двукратный рост доли налоговых доходов с 2003 по 2008 гг. сопровождался еще более крутым подъемом кривой оборонных расходов, достигших огромной по мировым меркам величины почти в десятую часть ВВП. После незначительного снижения в 2010 г. налоговые доходы вышли на плато, а к концу периода наблюдений продемонстрировали небольшой рост по отношению к первому пику. Военные расходы резко снижались после 2008 года, постепенно прийдя к вполне обычным 2% ВВП. Это напоминает «эффект храповика», нередко упоминаемый в литературе о государственном строительстве, когда достигнутые показатели экстрактивной способности государства не снижаются и после того, как пройден пик мобилизации ресурсов, требуемой для обеспечения обороноспособности – институциональные сдвиги, однажды достигнутые благодаря военным усилиям, стабилизируются (см. График 4).

Этой картине соответствует и динамика эффективности правительства Грузии на Графике 2. В 2002 году она уступала по этому показателю всем странам, кроме Азербайджана. Но уже в следующем году начался рост, который с небольшим отступлением и с естественным запаздыванием от графика роста налоговых доходов (реформы требуют финансирования) вывел Грузию в область положительных значений, где она, единственная среди пяти стран, устойчиво и

пребывает с 2006 г. рядом с Хорватией, Венгрией и Италией.

График 4

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 4. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Georgia, 2003-2017, % of GDP

Это могло бы быть образцом того, как война создает государство на постсоветском пространстве, если бы вооруженное столкновение в августе 2008 г., готовясь к которому, Грузия рекордно наращивала свой оборонный бюджет, не было бы ею проиграно. В то же время и военное поражение не привело к всеобъемлющему кризису с сокращением государственных доходов и снижением эффективности правительства. Как показало десятилетие после 2008 г., и в условиях сравнительно низких оборонных расходов Грузия продолжала эффективно собирать налоги и проводить реформы, направленные на повышение качества государственного управления. Война определенно не была для этого ключевым стимулом.

Молдавия реагировала на свой внутренний конфликт совершенно иначе. На протяжении полутора десятилетий ее военные расходы в отношении к ВВП не увеличивались, колеблясь на минимальном уровне от 0,3 до 0,6% (см. График 5). Такие расходы исключают подготовку к войне. Динамика налоговых доходов бюджета колебалась в более широком диапазоне. Заметный рост в 2003-2007 гг. сменился падением и последующей стагнацией. Эффективность правительства (График 2) незначительно выросла с 2004 к 2013 году, однако осталась в области отрицательных значений. На пике 2013 г. Молдавия по этому показателю усту-

пала Грузии и Армении, а в последующие годы пропустила вперед также Азербайджан и Украину. Обсуждая постсоветский опыт Молдавии, Дмитрий Фурман был вполне оптимистичен по поводу демократизации в этом расколотом обществе⁶³. Однако, если в момент публикации его работы установление более открытого и демократического политического режима в стране сопровождалась повышением эффективности правительства и ростом налоговых доходов, то вскоре вторая тенденция обратилась вспять. И повышательный, и понижаемый тренды не имели связи с подготовкой к войне – из-за отсутствия этой подготовки.

График 5

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 5. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Moldova, 2003 - 2017, % of GDP

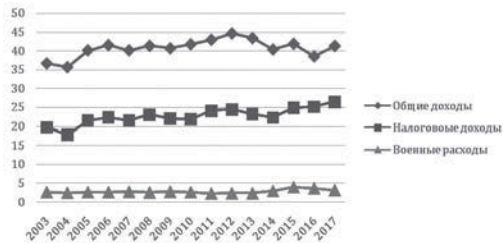
Украина, столкнувшись с вооруженным конфликтом на Донбассе, ответила на него наращиванием оборонных расходов с 2,4% ВВП в 2013 г. до 4% в 2015 г.; за этим последовало небольшое снижение (График 6). В 2014-2017 гг. также выросли налоговые доходы бюджета. Однако этот рост не напоминает быстрый взлет соответствующей

⁶³ Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие республики Молдова. Доклады Института Европы РАН, 2007. 37 с. [Furman, D. Moldavskiye moldavane i moldavskiye rумыны. Vliyaniye osobennostey natsional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoye razvitiye respubliki Moldova (Moldavian Moldovans and Moldavian Romanians. The influence of the features of national consciousness of Moldovans on the political development of the Republic of Moldova). Doklady Instituta Yevropy RAN, 2007. 37 p.]

кривой у Грузии. В 2014 г. налоговые доходы начали расти после заметного снижения. К 2017 они выросли на 4,2 процентных пункта. Отметим, однако, что ранее Украина уже переживала периоды роста этого показателя, не находясь при этом в состоянии вооруженного конфликта и не наращивая оборонные расходы.

График 6

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Украины, 2003-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 5. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Ukraine, 2003-2017, % of GDP

Особенность Украины, как и Азербайджана, состоит в сравнительно высокой доле неналоговых доходов в составе государственного бюджета. По данным МВФ, в 2017 г. в виде доходов от государственной собственности бюджет получил 4,8% ВВП, от продажи товаров и услуг – 2,3%. Большой объем неналоговых доходов до определенной степени позволяет государству финансировать свои расходы, не прибегая к повышению налогов или увеличению их собираемости. Рост налоговых доходов не сопровождался успешными реформами. В 2014–2016 годах оценка эффективности правительства на Украине снижалась (График 2). Небольшой рост в следующем году лишь незначительно изменил ее положение: по этому показателю Украина находится приблизительно на том же уровне, что и Молдавия.

* * *

Исследования о связи войн и траекторий развития государственности в мире за пределами Европы породили три вывода, особенно важных для постсоветского пространства. Первый из них касается гео-

политического контекста, в котором происходит строительство государства. После Второй мировой войны завоевания слабых государств сильными или вооруженные территориальные захваты стали практически невозможны. «Естественный отбор» Нового времени, при котором из системы постоянно исключались слабые и неэффективные государства, перестал работать. В мире возникло немало государств, обладающих негативным, но не позитивным суверенитетом.

Второй вывод заключается в том, что место войн, как арены соревнования государств, их военных машин и административно-налоговых систем, могут занять другие формы межгосударственного соперничества. Государства могут наращивать военную мощь не ради ее практического применения, а в качестве сигнала соперникам по международным спорам. Модель, в которой военные приготовления тянут за собой реформы, направленные на повышение экстрактивной способности и общей эффективности государственного аппарата, таким образом, могут работать и в отсутствие межгосударственных войн и территориальных захватов.

Третий вывод состоит в различении войн, которые велись в Европе (включая две мировые), и войн за ее пределами. Европейские национальные государства Нового и Новейшего времени сформировал не опыт войны как таковой, но опыт тотальной войны, предполагающей тотальную мобилизацию⁶⁴. Регионы мира, не пережившие такой опыт, не получили в наследство и сильных – по европейским и североамериканским меркам – государственных институтов.

Какое место здесь занимают постсоветские страны, столкнувшиеся с вооруженными конфликтами? Конфликты определенно повлияли на их внутривнутриполитическую ди-

⁶⁴ О значении идеи тотальной войны в разработке и реализации планов по подготовке ко Второй мировой войне в Европе см. Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. 640 с. [Kolerov, M.A. Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma (Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the History of the Language of Stalinist Communism). Moscow: 2017. 640 p.]

намику, внешнеполитические ориентиры и строительство наций. Однако во всех случаях – возможно, за исключением Грузии – это влияние проходило не через посредство механизмов, предсказанных моделью Чарльза Тилли. В случае Азербайджана, Армении, Молдавии и Украины нельзя с какой-либо уверенностью говорить, что конфликт и связанная с ним военная угроза побуждали государства активно наращивать свою экстрактивную способность и качество государственного управления. Грузия показывает определенные отличия: в первые годы после «революции роз» ее налоговые доходы и военные расходы росли быстро и синхронно. Однако остается открытым вопрос, был ли рост экстрактивной способности государства обусловлен необходимостью усиленно финансировать вооруженные силы, или возросший объем ресурсов, оказавшихся в распоряжении у государства в результате реформ, был направлен на военные приготовления в силу субъективных предпочтений политического руководства страны? Динамика развития Грузии после 2008 г. указывает скорее на второе – она может усиливать эффективность государства и собирать больше налогов, даже если не тратит до 10% ВВП на оборонные расходы. Конфликты имели и имеют важнейшее символическое значение для вовлеченных в них государств, но их, материальная роль в государственном строительстве незначительна.

Почему на постсоветском пространстве не работает «классическая» взаимосвязь войны и государственного строительства? Очевидно, дело не в международном запрете на войны и территориальные захваты. Во всех описанных случаях речь идет о внутренних конфликтах, на которые этот запрет не распространяется. Даже если конфликт заморожен, эффект соперничества – наращивание военной мощи в расчете не на войну, а на убедительную силовую угрозу сопернику – должен продолжать действовать. Из постсоветских конфликтов этот механизм наиболее наглядно проявляет себя в карабахском⁶⁵. Сбой закономерности может

быть объяснен двумя причинами: одна из них связана с нюансами геополитического контекста, в котором развиваются постсоветские государства, а другая – с понятием ограниченной войны.

Что касается геополитического контекста, который в целом исключает выведение из международной системы слабых и неэффективных государств, то в постсоветских условиях к этому добавляется ряд деталей. Текущее состояние конфликтов в бывшем СССР возникло в результате не столько соотношения потенциалов непосредственно вовлеченных в вооруженное противоборство сторон, сколько как итог многостороннего взаимодействия с участием региональных и глобальных держав. Это в значительной степени обесценивает усилия вовлеченных в конфликты государств по наращиванию их собственной военной мощи.

Так, военный потенциал Грузии к 2008 г. был достаточным для того, чтобы подавить сопротивление Южной Осетии и, возможно, Абхазии. Однако добиться успеха в противостоянии с российской военной машиной Грузия была не в состоянии, как не в состоянии она и в сколько-нибудь актуальной временной перспективе изменить текущее соотношение сил с Россией. Хрупкое перемирие в Нагорном Карабахе обеспечивается не столько взаимным сдерживанием Азербайджана и Армении, сколько позицией других акторов, значительно превосходящих их по силовому потенциалу и международному влиянию: России, Соединенных Штатов, Турции. Непосредственное сдерживание между Азербайджаном и Арменией в этих условиях решает ограниченную практическую задачу: не дать противнику добиться быстрого и значительного военного успеха до того, как международные посредники потребуют прекратить боевые действия.

Хотя конфликты занимают одно из ключевых мест в политической риторике столкнувшихся с ними государств, представленные выше графики показывают, что они отнюдь не требуют мобилизации всех ресурсов государства. Раз военная сила не является ключом к разрешению конфликта

⁶⁵ Минасян С. Сдерживание в Карабахском конфликте. Ереван: Институт Кавказа, 2016. [Minasyan, S. Sderzhivaniye v Karabakhskom

konflikte (Deterrence in the Karabakh Conflict). Yerevan: Institut Kavkaza, 2016.]

в своих интересах, то нет смысла чрезмерно ее наращивать. Не менее, а то и более важно выстраивать отношения с региональными и мировыми центрами силы в расчете на сдвиги в международном политическом балансе, сложившемся вокруг конфликта. Однако дипломатические усилия, в отличие от военных, не требуют больших финансовых и организационных ресурсов, как не требуют они и укрепления государственных институтов. Постсоветские конфликты представляют собой ограниченные войны, которые, как показывает опыт других регионов мира, порождают ограниченную государственность.

Литература:

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 49-68.

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8-23.

Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Современная Европа. 2016. № 2. С. 33-37.

Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. 640 с.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М., 2008. 454 с.

Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. С. 118-132.

Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. С. 47-73.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // Полис: Политические исследования. 2012. № 2. С. 8-30.

Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 68-81.

Минасян С. Сдерживание в Карабахском конфликте. Ереван: Институт Кавказа, 2016.

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин, Н.И. Тимофеев. М.: 2007. 276 с.

Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие республики Молдова. Доклады Института Европы РАН, 2007. 37 с.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: 2001. 332 с.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp.185-202.

Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434.

Ayoob, M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

Barnett M. Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

Brubaker, R. Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutionalist Account // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International Politics and National Political Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp.1-15.

Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its ‘Near Abroad’ // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

Cappelli, O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21.

Centeno, M. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. 315 p.

Centeno, M. Limited War and Limited States. In: Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation, ed. by Diane E. Davis and Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 82-95.

Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467.

Coggins, B. Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

Emerson, M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005.

Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-Patrimonial Perspective // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 425-445.

Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal

Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Gel'man, V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104.

Ghosn, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: [http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard Library Sources/Correlates of War/Historical Military Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf](http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard%20Library%20Sources/Correlates%20of%20War/Historical%20Military%20Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf)

Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165.

Herbst, J. War and the State in Africa // *International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118.

Jackson, R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 219 p.

Kuzio, T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

Leander, A. Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World. In: Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp. 115-140.

Migdal, J. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. 289 p.

Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332.

Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731.

Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465.

Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

Tilly, C. Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411.

References:

Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.

Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp. 185-202.

Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434.

Ayoob, M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

Barnett M. Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

Brubaker, R. Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutional Account // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International

Politics and National Political Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp.1-15.

Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its 'Near Abroad' // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

Cappelli, O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21.

Centeno, M. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. 315 p.

Centeno, M. Limited War and Limited States. In: *Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation*, ed. by Diane E. Davis and Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 82-95.

Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467.

Coggins, B. Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

Damirlov, D.A. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnyye posledstviya dlya rossiysko-ukrainskikh otnosheniy (The Ukrainian National Security Strategy: Possible consequences for the Russian-Ukrainian relations) // *Sovremennaya Evropa*, 2016, No. 2, pp. 33-37.

Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

Elias, N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proyeckt teorii tsivilizatsii (The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations). Moscow, SPb: 2001. 332 p.

Emerson, M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005.

Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-Patrimonial Perspective // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

Furman, D. Moldavskiy moldavane i moldavskiy rumyny. Vliyaniye osobennostey natsional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoye razvitiye respubliki Moldova (Moldavian Moldovans and Moldavian Romanians. The influence of the features of national consciousness of Moldovans on the political development of the Republic of Moldova). Doklady Instituta Yevropy RAN, 2007. 37 p.

Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 425-445.

Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Gel'man, V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104.

Ghosn, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard Library Sources/Correlates of War/Historical Military Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf

Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165.

Herbst, J. War and the State in Africa // *International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118.

Jackson, R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 219 p.

Kolerov, M.A. Stalin: ot Fikhte k Beriya. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma (Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the History of the Language of Stalinist Communism). Moscow: 2017. 640 p.

Kuzio, T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

Leander, A. Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World. In: *Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research*. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp.115-140.

McNeill, W. V pogone za mosch'yu (The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000). Moscow, 2008. 458 p.

Meleshkina, E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoi sostoyatelnosti: kakie uroki mi mozhem izvlech? (Studies on Statehood: What Lessons Can We Learn?) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 2, pp. 118-132.

Mel'nikov, K.V. Neopatrimonializm: klassifikatsiya kak sposob preodoleniya kontseptykh natyazhek (Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2018, No. 2, pp. 68-81.

Mel'vil', A.; Yefimov, D. «Demokraticeskiy Leviatan»? Rezhimnyye izmeneniya i gosudarstvennaya sostoyatel'nost' – problema vzaimosvyazi ("The Democratic Leviathan"? Regime

Change, State Capacity, and Challenge of Interdependence) // *Politicheskaya nauka*, 2016, No. 4, pp. 47-73.

Mel'vil', A.Yu.; Stukal, D.K.; Mironyuk, M.G. Trayektorii rezhimnykh transformatsiy i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Solvency) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2012. No. 2, pp. 8-30.

Migdal, J. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. 289 p.

Minasyan, S. Sderzhivaniye v Karabakhskom konflikte (Deterrence in the Karabakh Conflict). Yerevan: Institut Kavkaza, 2016.

Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

Politicheskiy atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv/ (Atlas of Contemporary Politics: Attempting a Statistical Analysis of the Contemporary States' Political Systems) / A. Mel'vil', M. Il'in, E. Meleshkina, M. Mironyuk, Yu. Polunin, N. Timofeyev. Moscow: 2007. 276 p.

Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332.

Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731.

Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465.

Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

Tilly, C. Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

VAIN WARS: CAN THE TILLY'S MODEL EXPLAIN TRANSFORMATIONS ON THE POST-SOVIET SPACE?

Nikolay Yu. Silaev

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Irina V. Bolgova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 15.08.2019 <i>Accepted:</i> 25.10.2019</p>	<p>Abstract:The influential theory of Charles Tilly explaining the relationship between military activity and state building in early modern Europe has been often used to analyze the development of statehood outside Europe and North America. However, in Post-Soviet space it was referred to only a limited extent – mainly operationalising the struggle and bargaining between the state and society over the extraction of resources in favor of the state - for the analysis of post-communist transformations. Meanwhile, the post-Soviet space with its unresolved conflicts provides a reach material for checking the “military” component of this theory. Most authors agree that the international order established after the World War II does not allow the clear replication of the scheme elaborated by Tilly. This article is aiming to show that, although post-Soviet conflicts are of great symbolic importance for post-Soviet states, their material impact on the dynamics of state revenues and on the strengthening of state institutions is minimal. This paradox may be explained by the international geopolitical context around the conflicts where the buildup of military power of a state involved in the conflict cannot serve as a sufficient condition for resolving the conflict in favor of the state.</p>
<p>About the authors: <i>Nikolay Yu. Silaev</i>, Senior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University e-mail: nikolai.silaev@gmail.com <i>Irina V. Bolgova</i>, Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru</p>	<p><i>Acknowledgements:</i> The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant No. 14.461.31.0002)</p>
<p>Key words: Charles Tilly; state building; statehood; post-Soviet space; Georgia; Armenia; Azerbaijan; Ukraine; Moldova</p>	

Для цитирования: Силаев Н.Ю., Болгова И.В. Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 4. – С. 133-154.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

For citation: Silaev, Nikolay Yu; Bolgova, Irina V. Naprasnyye voyny: rabotayet li model' Tilli na postsovetskom prostranstve? (Vain Wars: Can the Tilly's Model Explain Transformations on the Post-Soviet Space?) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 133-154.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047